

АКАДЕМИЯ НАУК РОССИИ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
академика Российской Академии наук
М. Н. БОГОЛЮБОВА

Вып. XXVIII
ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРА

ЦЕНТР «ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

1994

В. Г. Васильев, А. И. Жиров, Е. В. Максимов

ТЮМЕНСКИЕ ДНЕВНИКИ Л. П. ШУБАЕВА

Леонид Павлович Шубаев (1912—1991) оставил заметный след в советской физической географии. Венцом его практической деятельности явилось издание учебника "Общее землеведение" для студентов географических факультетов педагогических институтов и университетов [1].

Вся практическая деятельность Л. П. Шубаева была тесно связана с преподаванием географии. Окончив в 1936 году географический факультет ЛГПИ им. А. И. Герцена, он сразу был направлен в Тюменский педагогический институт ассистентом кафедры географии. И это не случайно, ведь его учителями были известные географы, работавшие в то время на географическом факультете: Борис Николаевич Геродков, Сергей Сергеевич Кузнецов, Алексей Александрович Каденский и другие. Географическая подготовка Леонида Павловича была весьма солидной — судя по тому, что он, по существу, самостоятельно провел геоморфологические исследования в 1937 году в бассейне безвестной тогда еще реки Надым в Западной Сибири.

Вскоре в Тюменском педагогическом институте он возглавил кафедру физической географии, не имея еще ученой степени. А в годы Великой Отечественной войны Л. П. Шубаев работал старшим преподавателем топографии на окружных курсах младших лейтенантов. Леонид Павлович и сам принимал участие в боевых действиях в далеком 1939 году, был пулеметчиком на р. Халхин-Гол во время советско-японского конфликта.

По окончании войны Л. П. Шубаев перешел работать на кафедру физической географии ЛГПИ имени А. И. Герцена, где в 1947 году защитил кандидатскую диссертацию по геоморфологии района р. Надым. Все последующие годы Леонид Павлович шлифовал свое педагогическое мастерство, читая лекции и ведя практические занятия и полевые практики со студентами географического факультета. Имея за плечами солидный опыт исследователя, Л. П. Шубаев был прекрасным научным руководителем. В числе его учеников — будущие доценты кафедры физической географии и геологии ЛГПИ имени А. И. Гер-

цена А. Н. Шершнева, Г. В. Мошкова, В. Г. Васильев, А. Я. Степанов, Л. Ф. Сидоров и многие другие.

По существу, с момента окончания института у Л. П. Шубаева появилась идея создания фундаментального пособия-учебника "Общее землеведение", в которое вошли бы оригинальные мысли по основным проблемам как практической, так и теоретической физической географии. И эта идея была успешно реализована — учебник Леонида Павловича выдержал два издания — в 1969 и 1977 годах.

Большой интерес представляют впечатления Леонида Павловича о двух экспедициях в Западную Сибирь в 1937 и 1950 годах, в которых он принимал участие, изложенные им в "Тюменском дневнике" [3], написанном в 1937 и 1950 годах и отредактированном в 1975 году. Дневник представляет собой 118 страниц машинописного текста с приложениями, в жестком переплете.

В 1937 году экспедиция была организована Тюменским педагогическим институтом и ставила своей целью общее изучение междуречья рек Тромьеган и Надым: описание растительности и составление геоботанической характеристики местности по маршруту, описание рельефа и сбор материалов о плейстоценовом оледенении, а также участие в составлении первой карты масштаба 1 : 1 000 000 для данного района. Экспедицией руководил Владимир Саввич Михайличенко, ботаник, заведующий кафедрой ботаники Пединститута. Всего в составе экспедиции было пять человек, но до Надымской губы добрались только трое: кроме В. С. Михайличенко и Л. П. Шубаева еще Макс Моисеевич Фрадкин, геолог, преподаватель кафедры географии Тюменского пединститута.

Маршрут экспедиции начинался в Сургуте и включал в себя три части:

- а) бассейн реки Тромьеган, или, по-местному, Торм-Яун — Божья река;
- б) водораздел Тромьегана с Надымом;
- в) долина реки Надым до ее устья.

О степени изученности бассейна рек Тромьеган и Надым можно судить по тому факту, что на руках у участников экспедиции была лишь глазомерно составленная карта-абрис А. А. Дунина-Горкавича начала века. А до первого исследования данного района в 1879 году топографом Н. К. Хондажевским "это пространство на основании разных слухов и догадок представлялось то сплошным моховым болотом, то непроницаемой лесною чащей" [1, с. 1].

Исследование болотно-таежных районов Западной Сибири, труднопроходимых и в настоящее время, тогда было сопряжено с немалым риском для жизни из-за отсутствия надежных средств передвижения и топографической основы, о чем ярко свидетельствуют воспоминания Л. П. Шубаева. Интересны и зарисовки быта коренных народов Западной Сибири — хантов и ненцев, приводимые в дневниках. Ниже при-

водится выдержка из дневника Л. П. Шубаева об экспедиции 1937 года, повествующая о самом трудном участке пути — преолении водораздела Тромъегана с Надьмом [3, с. 21—41].

"Итак, мы готовимся к первому пересечению Северного водораздела Западной Сибири на меридиане Тромъегана или Торм-яуна. Думаем выйти в Надьм. Нас всего трое. Энергетика — только наша сила, ни моторов, ни даже парусов. Нас интересует рельеф, морена, история оледенения.

17 августа 1937 г. Встретив на водоразделе ханты, мы пытались разговаривать. При помощи Михайличенко, наикратчайшего «словаря», мы скажем одно слово, они — десятки, из которых мы не поймем ничего. Разговор был внешне юмористичен, а для нас трагичен — мы ничего не смогли выяснить. Смутно поняли, что отказа в оленях нет и что нам надо ехать дальше на рэп. Путем черчения карт на песке выяснили, что рэп ниже Юкуп-яун, а она уже скоро. Нам до заломов надо бы еще идти дня полтора и мы думали, что придется обходить заломы, а для этого рубить лес метров на 100 и тащить лодки на катках.

Переехали на тот берег на песок обедать. Они ультиматумом потребовали спирта. После обеда все поехали на обласках. Женщины тоже пили спирт. Варвара сначала закрывала лицо платком, а потом его сбросила.

Рэп, к которому мы съездили, оказался близко, часа через 3 мы доехали. Отсюда пойдём на оленях. Были рады. Ханты пойдут за оленями и вернутся дня через три. На водораздел уйдет дней 15.

18 августа. Утром они уехали. Мы мылись, брились. Вчера впервые в жизни ел оленину, твердая, жесткая, может не разварена.

19 августа. Джем. Комары. В пологах.

20 августа. Около 15 часов услышали крик, а затем увидели, что на той стороне реки ведут оленей. Привели четырех оленей. Они Варвары. На обласке привезли разобранную нарту, ее собрали. На болоте Степен собрал еще две нарты. Оказалось, что Осип нарт не даст. Таким образом, всего пять нарт. Толмач Дмитрий сначала русский «не понимал», хитрил, а потом понял.

21 августа. Утром $T = 12,50$. Выход в 9-40. Счастливая минута. Семь минут шли по беломошнику, хорошо. Затем началось рямовое болото с мочажинами. Чередуются болота и гривы.

Юрта Степана. Уже не грива, а большая площадь беломошника. Красиво. Редкие раскидистые большие сосны. Еще реже березы.

Река Колым-яун. Ширина 8 м, глубокая, берега обрывистые, 2 м высотой. В пойме заболоченный березняк. Переправа. Олени вплавь на веревке. Если они обрывались, то их загоняли криком. Нарты перевезли на спаренных обласках, по две сразу. Переправа заняла 30 минут. Сбор в 11-17. После поймы опять бор — беломошник, затем

сфагновое болото, среди него озеро $0,5 \times 1,0$ км, затем крупнобугристое болото. Бугры высотой 1—1,5 м, багульник, редкие сосны, березы высотой 2—3 м, сфагнум, скованный мерзлотой. Южная граница островной вечной мерзлоты. Ближе к озеру бугры крупнее.

До обеда прошли семь озер диаметром от 200 до 1000 м. Все время шли сухим лишайниковым болотом. Очень сухо. От лишайника клядоны за нами стояла пыль. Сухость объясняется очевидно, кроме погоды, еще хорошим дренажем поверхности в озере, которых здесь много, и песчаным грунтом. Местами видны котловины уже заросших озерков. Некоторые из них — зыбуны. В одном из них провалился геолог Фрадкин. Он удержался только на растопыренных руках. Но до него олени здесь прошли. Вытаскивали его так: ханты сказали: «Олень быстро бежать, русский нарту хватать». Пустили оленей с пустыми нартами, Фрадкин за них ухватился.

Ночуем на болоте. Остановились в 18-37. Подсчитали: ходовых часов было всего 4 (четыре). Считая по 3 или по 3,5 км в час, прошли 12—14 км. Много отдыхали, долго обедали. Ханты не спешат. Да и куда?

22 августа. Вышли в 9 ч. Маленькая речка Ай-яун. На ней мост-переход сделали вчера. Озеро $1 \times 1,5$ км Пычты-Ай-яун — озеро маленькой речки. Когда подошли к месту обеда, тут уже были Никита и Иван. Здесь же были и два обласка. Никита сказал, что надо сегодня и завтра ждать. «Хочешь спать сегодня завтра», ждать Осипа. А если он не придет, то послезавтра пойдем. Решили ждать. Ханты стали просить спирта. Немного дали, стали просить еще — не дали. Стращали, что не поедут. Ультиматум. Пришлось еще немного дать. Считаю долгом заметить, что оплату деньгами принимали крайне неохотно: куда мне деньги? За деньги они не пошли. Главное спирт. Я это не ставлю в вину ханты. Это относится и к русским в наших населенных пунктах; ханты к тому же в то время на факториях за деньги купить было почти нечего. Все необходимые товары они брали за пушнину. А других товаров не было.

23 августа. Все ушли в юрту Дмитрия. Остался один Степан. В 13 часов пришел Осип с нартой. У него мальчик 11 лет, но уже курит. Юрта Дмитрия на берегу озера, в котором есть рыба — щука, язь. У ханты женщины при мужчинах закрывают лицо платком, чай пьют после них, а во время питья чая мужчинами сидят в стороне. Водка все это нарушает.

У озера типичное бугристое болото. Высота бугров не более 2-х метров. На одном из бугров спелый кедр.

Мы объясняемся более на русском языке, конечно, своеобразном. Они рисуют карты. Дмитрий нарисовал карту, согласно которой мы должны выйти на реку Им-яун. Десять ночевок. Маленький Ванька не хотел ехать. Ханты с нашего согласия пристращали его Сургутом. Мы написали в Сургутский райисполком письмо с извещением о нашем

отъезде на водораздел и на Надым. Ханты мы обещали из Омска бумаги с благодарностями. К бумагам отношение почтенное, авторитет.

24 августа. Был дождь, вышли только в 11-40. На обед встали в 13-30. После обеда шли до 17 ч. Прошли всего 8 км. Идти тяжело: моховое бугристое болото, ногу поднимаешь высоко, а затем она утаскает, поднимаешь вторую и т. д. А сам закутан в накомарнике, лыжном костюме, высоких броднях, все это почти герметически завязано от комаров. На себе полевая сумка, тяжелый «фотокор».

Заросли полярной березы, чаще они около озер. Это уже почти тундровый ландшафт. Но он фрагментами. Владимир Саввич сегодня нашел тундровую осоку, растет в мочажинах. Вечная мерзлота на глубине 40 см. На нее ставим на ночь вскрытые консервы.

Тяжело и оленям. Нарты на таких блоках, что везет каждый олень, даже если он отстает. Это рассчитано не на лень оленей, а на условия пути.

25 августа. Температура 10,0. Сегодня весь день шли по лишайниковому болоту, но оно отличается от тех беломошников, которые были в предыдущие дни. Сосен нет. Горизонт далеко. Видна однообразная блекло-желтая скучная поверхность. На горизонте кругом виден будто бы лес, ориентиров для сравнения расстояний нет; трудно описать то чувство, которое овладевает мной, когда я попал в такое болото впервые — ни радости, ни скуки, одно желание — скорее вырваться. Ободряет только сознание, что с каждым шагом ближе к цели. Лес на горизонте — это поросшие лесом гряды. Одну из них мы пересекли: грунт твердый, песок, ель, кедр, береза. Прошли 16 км. Это длинный северный день при полном напряжении сил.

26 августа. Шли все по тому же лишайниковому болоту. Температура 4,50. Здесь водится белая куропатка.

27 августа. Бассейн Ай-яун — маленькой речки, впадающей в Тромъеган. Ай-яун это даже не речка, а сток болотных вод, канава. Только знающий местность скажет, что это — начало реки. В верховьях Торм-яун много ручьев, дающих начало речке. Перешли типичное бугристое болото. Высота бугров 5 м. Вершины их — оголенный торф. Бугры всегда приурочены к долинам рек или к берегам озер. В одном бугре у основания найден песок и галка $D=2,5$ см. После бугристого болота опять стало лишайниковое, а затем лес. Вообще на водоразделе грунт тверже, больше леса.

В 16 часов 15 минут перешагнули Им-яун — начало системы Надыма.

Водораздел пересечен.

Пошли вдоль Им-яун по низинному гипсовому болоту, но оно не долинное. Долины еще нет. Там, где местность повышается, впечатление, что здесь вал. Свернули от реки в лес, вышли на идеальную равнину с лишайником клядония. Деревьев нет.

Здесь нашли сначала несколько валунов, а затем большой валун диаметром около полуметра и другой валун, ушедший в землю, диаметром около 1 метра. Это и есть, очевидно, морена. С нее к долине идет значительное понижение. Взяты образцы для петрографического состава.

После ухода с морены шли по грядово-мочажинному болоту. Видели полярного хитирика конюка.

28 августа. Вышли в 10-10. После перехода Им-яун ландшафт резко изменился: вместо болот Тромьегана преобладать стал лес. Хотя ханты и ведут оленей по болотам, где легче ехать, по обе стороны пути тянется лес. Грядово-мочажинные болота чередуются с гривами. Их пересекли несколько. На гривах найдены валуны гранита, кварцита, диабазы. В одном лесу для оленей пришлось прорубать просеку. В составе леса преобладают ель и лиственница — проходим елово-лиственничную подзону.

Обедали на болоте — в лесу много комаров, но кругом лес.

29 августа. Утром ветер, мгла, вероятно, горит лес; солнце светит слабо. Вышли в 9-10. Шли по болоту между двумя заболоченными лесами. Часто подходим к реке, смотрим, нельзя ли идти на лодке. Решили берегом идти до обеда. В 12-05 остановились на обед и отсюда решили идти на лодке. Ханты закололи оленя: три раза ударили по голове обухом, затем ножом проткнули сердце, сняли кожу, вынули внутренности, а олень был вверх ногами на спине. Сортировали мясо. После отделения одного бока кровь собралась в другом, ее собрали своеобразным лотком в желудок. Кожу, голову, сухожилия обгладывали зубами и ели сырое мясо. Я тоже впервые ел его в сыром виде. Они едят так: берут кусок в зубы и у самого рта отрезают острым ножом кусок, зубами его не откусить.

По Надьму

Переупаковали груз, укоротили весла. Отдали деньги. Степан не брал, положил около палатки, но затем ему все-таки вручили.

В том месте, где перешли на лодки на Им-яун, ханты сделали засечки на кедрах. На одном мы написали, что спустилась экспедиция Тюменского педагогического института. Сохранилась ли эта надпись? Это было 29 августа 1937 года. Им-яун — Бабья речка.

Река шириною около 6 м, мы видели, что она часто завалена деревьями, но решили, что по ней идти все-таки легче и быстрее, чем на оленях по болотам. Потом мы поняли многое и в частности, что мы недооценили степень заваленности заломами.

1 сентября. Не писал давно: было не до этого. Как только 29 августа сошли на обласки — мы опарили два обласка — начались завалы деревьями или заломами. При каждом заломе вещи перетаскивали по берегу, а пустые обласки тащили по деревьям через залом. Только

корму спускали с одного залома, нос упирался в другой. Это немного образно. Мы рубили, разбирали заломы, растаскивали бревна. Сами мокрые по грудь. Было очень и очень тяжело. Местами встречались и чистые участки реки. При выходе на них мы сперва по-настоящему садились на весла, но уже через 5 минут были вынуждены брать маленькие весла. В день проходили 3 км, максимум 5 км. Работали до поздней ночи. Счет дней потеряли, ели не в сроки, а при изнеможении. Только раз варили пищу на гриве. Только я поднес спичку к костру, загорелся лишайник, пламя быстро распространялось в лес. Началось тушение пожара, таскали воду ведром, чайником, соскребали ягель и т. п. Мы помнили, что за нами незримо следит вся округа, и мы должны обязательно делать только хорошее. С пожаром справились.

1 сентября после преодоления огромного, не менее 100 м в длину залома через 200 м хода по реке лодки вошли в непроходимое болото — сор. В нем русло реки исчезает, река теряется: вода разливается сначала тонким слоем, а потом и вовсе исчезает, впереди огромная площадь травяного болота со мхом. Весло, поставленное стоя, вязнет до конца, берегов не видно.

На веслах идти нельзя — болото, лодка не идет. Шестом нельзя — он тонет как в киселе. Выйти из лодки и толкать ее нельзя — сами тощем в болоте.

Не впадая в панику, мы сначала пришли к выводу, что этой речки нам не пройти. Невозможно или ждать заморозков или сейчас идти куда можно пройти независимо от цели экспедиции. Началось спасение себя. Но и его мы проводили все же в направлении, нужном нашей цели — только вперед. Кое-как пробившись к ближайшему участку твердой поверхности с кедром, мы выложили все вещи, которые казались не совершенно необходимыми; все, что можно было раньше отдать, мы отдали ханты, так как поехали на маленьких обласках. Сейчас выложили следующее: манную крупу, сковороду, бродни, два полога, треногу фотоко́ра, банку сухого молока, не снятые фотопластины, геологический молоток, уменьшили образцы, зубные щетки и порошки. На кроне кедра что-то повесили для опознавания. Взяли минимум одежды, совсем мало пищи, дневники, снятые пластинки, небольшие образцы.

Уйдя от этого ке́дра, мы вскоре увидели разные признаки того, что ханты домой не возвратились, а все это время за нами следили и оставленное нами немедленно забрали. Они особенно хотели молока.

От ке́дра пошли на разведку. Перспективы мрачные — болото. Вдруг Макс Моисеевич кричит: озеро. Все побежали. В самом деле вдаль оказалось озеро. Обласки и вещи перетаскивали по болоту, а потом по лесу к тому месту, где по реке снова можно идти. До чего же медленно двигаться через болото: за день прошли менее 1 км, а по прямой 500 или 500 метров. К вечеру вышли на озеро. В этот день не

обедали и легкие передышки устроили всего три раза. Озеро хотели назвать Желанным, да пока воздержались: какой-то река будет ниже озера. Озеро круглое, в диаметре около 1,5 км, весло скрывало по глубине. Я сделал три снимка. Объехали озеро кругом. Кроме Им-яун в него впадает еще одна речка. Ночевали на песке-пляже. Нашли исток вниз.

2 сентября. Утром выехали с радужными надеждами на реку. Вначале она была сносной, ехали быстро. Но вот опять заломы. Некоторые прошли, встретились непроходимые. Разведкой выяснили, что впереди опять болото. Для преодоления ближайших заломов применили новый способ: перетаскивали обласки через шейку излучины и попали опять в сор. Река опять разливается по болоту, глубина сначала вершка 2—3, а потом и вовсе вода исчезла. Обласки не идут, тащить нельзя — нас засасывает. Опять нависла угроза не пройти, до Надьма не дойти.

Появилась мысль о возвращении пешком на Тромъеган. Но и туда путь отрезан: пешком можем взять очень мало, будем голодать, палатку не унести, идут дожди, болота разольются, обувь худая. Нельзя быть уверенными и в отыскании кратчайшего пути. Остается одно — вперед всеми силами, иначе заморозки, гибель. Она была, эта опасность.

Сор прошли, после него река опять появилась, прошли порядочно, до обеда. Разведка после обеда показала, что дальше река опять переходит в сор, но уже заросший ивняком. Пошли по нему. Идти так же трудно, ивняк мешает таскать вещи и лодки. Ночевали прямо на кустах ивняка в обласках. Костер не разводили, ели холодные консервы, без чая.

Вечером держали совет. Решили: вперед.

3 сентября. Часть груза по сору перенесли к реке, где она как будто улучшилась. Тащили по воде-грязи-жиже. Сейчас В. С. и М. М. пошли за остальными вещами, а я пишу. Писать все-таки надо: авось дневник до кого-то доживет и будет прочтен. При такой работе, да еще в холодной воде нужно хорошее питание, а мы едим лишь консервы, чаще холодные. Хорошо, что погода стоит без дождя. А то бы было совсем плохо.

По сорам часто лодку двигали так: двое с носа по бортам спускаются в болото, пока тонут, успевают толкнуть лодку вперед до того, что корма дойдет до рук. Влезают в лодку, переходят опять на нос, снова погружаются, тонут, толкают и т. д. За день проходили метров 500.

Бродит мысль: уж не сознательно ли ханты нас сюда пустили. У Никиты вид преступника. Уж не оттого ли Степан Сопочин, наиболее честный из наших проводников, так упорно не брал деньги и был печален и сидел в стороне. Когда мы грузились, он сел на берегу,

положил деньги и письмо в Сургут. А утром он говорил «Худой речка», но смысла его речи мы не поняли.

Со временем мы в этой мысли укрепились. Вспомним, что это был 1937 г., недавно прошел здесь год великого перелома. Вспомним, что здесь было восстание. Ниже на водоразделе были владения кулаков. История может назвать и более трагические события на севере.

После протаскивания лодки по сору-болоту река снова приобрела типичные черты: высокие берега, излучины русла, по коренным берегам спелый лес. В русле снова много мелких заломов, но преодолимых. К вечеру подошли к большому залому. Макс Моисеевич пошел на разведку и доложил, что совсем рядом проходит река, так что есть смысл перетаскать груз и лодку и мы обойдем залом. Так и сделали и на шейке излучины ночевали, весьма довольные. Палатка в глухом лесу. Ночью сильный дождь.

4 сентября. Утром спарили обласки и пошли. И ужас: подошли к тому же залому, который вчера обходили, т. е. перетаскали груз не вперед по реке, а назад. Сколько напрасных трудов. Непростительно. Но ни о чем не думая, зная, что у нас только один выход — вперед, стали снова перетаскивать через залом. После перетаскивания прошли порядочно, преодолев много мелких заломов без выноса лодки на берег.

5 сентября. День значит многое. В первой половине дня достигли того места, где Им-яун приняла приток, равный по величине себе и, естественно, вдвое увеличилась. Мы пошли уже на больших веслах, довольные и полные надежд. Есть надежда вернуться в мир. Хорошо, что никто из нас не заболел.

Река приняла типичные черты, весьма извилистое русло, большие пески. Мы это распенили, как признаки близости Надыма. Но увы, река образовала огромный залом, который мы преодолели перетаскиванием. После залама река пошла по новому руслу среди болота и скоро впала в озеро... Как оно неприятно, как мы боимся не только озера, но даже лебединого крика — предвестника озер.

Переехали на ту сторону, ходили в разведку, вымокли насквозь от дождя, кустов, травы. Но сушиться некогда. Осень поджимает, а впереди... одна неизвестность. Продуктов все меньше, одежда рвется.

Пришлось ехать по мелкой речке, поросшей травой и снова сор... О, боже. Опять несколько дней купаться в болоте и торфе. Да еще дождь.

Но сор был из милостивых: вымочив нас снизу, а дождь сверху, позволил обласкам пройти. К вечеру вышли на приличную реку. Ночевали в ее начале.

Чередование участков сформированной речной долины и соров-болот является следствием того, что Западно-Сибирская равнина на севере от водораздела падает ступенями. При падении реки со ступени на ступень русло выработало долину, а на плоскостях ступеней располо-

жены соры-болота. Там, где река падает со ступеней, она сильно эродирует, размывает берега, валит лес и создает заломы. Слово «сор» у северных финских народов обозначает болото-плоскость, например, Кукисвумчоор на Кольском полуострове: чоор = сор = плоскость — болото.

6 сентября. Сегодня прошли много, около 30 км. Но перетаскивали через два залама, утром и вечером. Работали с полной отдачей — только в работе наше спасение. Иначе зимовка и...

7 сентября. Скверный день. Утром дождь, но мы пошли. Пройдя немного, встретили залом. Перетаскивали. Шел дождь со снегом, холодно, продрогли. Началось заболевание животов от тяжелой работы и плохого питания. А Надыма все еще нет. А он-то ведь несколько сотен километров. Макс Мойсеевич отморозил пальцы на ноге, оттирали, разводили костер. Роскошь.

Поехали дальше и новое несчастье: у обласка пробили дно. Скорее к берегу, а то лодки перевернутся и все в воде... Было так. Русло завалено, М. М. и В. С. на веслах, я, как наиболее опытный на лодке, сижу на корме, на рулевом весле. Обходим коряги. Вдруг обласки завертелись на месте, напоролись на подводную корягу и она пробилла тонкое дно обласка. Думать некогда, все выскочили в ледяную воду реки и на руках обласку подняли и сняли с коряги. Шел мокрый снег. А если бы хоть один заболел? За день прошли мало, не более 5 км.

8 сентября. Мысли ночью: Надым длинный, мы его еще не достигли. Обласк пробит, чинить нечем. Утром редкий дождь. За починку обласка взялся я, у меня рука набита. Починил так: от голенища бродней отрезал кусок кожи. Для получения жести вскрыли последнюю банку консервов из неприкосновенного запаса. Но где взять гвозди? У одного из ящиков с образцами нашел кусок проволоки. Заплата была поставлена. Она выдержала весь путь, ни разу не подвела.

Поехали. Всего через 1 км наша река впала в другую, такую же по величине. Мы подумали, что это и есть Надым. Рады.

В 16 часов огромный залом. Сфотографировал. Перетаскивали и пошел сильный дождь. Встали. Макс Мойсеевич варит борщ, у него сегодня день рождения. Обещает немного спирта за рождение и за выход в Надым. На реке такие же пески, как и на Тромьегане. Карты Надыма, конечно, нет. Ее нет и вообще нигде. Мы съемку закончили на Тромьегане.

Длинное плесо ударяет в высокий берег и сильно его размывает. Но мы не описываем. В русле отмель. Подошли к горе высотой 20 м. Много валунов. Это морена. На правом берегу. Фотография. Описывать некогда.

9 сентября. Весь день идет дождь со снегом. Лежим в палатке.

10 сентября. Ночь тихая, ясная. Встали рано. Замерзло. Пройшли много — около 50 км, и все без заломов. Шли долго. Вместо обеда —

только чай. Видели: справа приток средней величины; лесной пожар, облака дыма, падал пепел, огня не видели; высокий берег с остатками жилья: печь из прутьев, смазанных глиной, люлька в виде ящика качалась на кольцах из корней сосны, ящик с рыбьей чешуей, сушилка. Вышли на берег.

Признаки присутствия человека попадают от озера: остов чума, сушилка, запруды, слопшы, но все старые.

Река шириною 40—50 м, большие плеса, много стариц. Впало два притока, справа и слева.

11 сентября. День хороший. Прошли свыше 50 км. После половины дня река приобрела характер среднего течения: широкая, свыше 50 м, часты песчаные мели. В 14 часов 15 минут впала слева большая река, много меньше Надыма, метров 40, с сильным течением. Думаем, что это Левая Хэтта. Других левых притоков на нашей «карте» — примитивном чертеже нет. Если так, то мы скоро пойдём. После впадения Хэтты Надым стал шириною метров 70—80, мелей меньше, пески и плеса длиннее. В лесах больше лиственницы и кедра, сосны и ели меньше.

Признаков человека сегодня не видели, хотя удобных для жилья мест много. В верховьях Надыма живут лесные ненцы пян хасово; поэтому там встречались и признаки жилья. В среднем же течении ненцы кочуют — летом живут у моря и ловят рыбу; видели зимнюю дорогу.

Сегодня видели морену: высота берега более 20 м. Крутые берега здесь чаще, но преобладают без морены.

12 сентября. Утро пасмурное, дождь. Но мы пошли в 8-30. Шли хорошо. Во вторую половину дня справа впал большой приток. Думаем, что это Правая Хэтта. Но не уверенно. Судя по времени пути, наш чертеж неверен. Как плохо без карты, вслепую. Карта Дунина-Горкавича только ориентировочная.

Надым стал громадной рекой, но часты перекаты и мели, много песчаных островов. Встали в 16-16 из-за дождя; $T = 10,0$.

13 сентября. Шли с 8 до 17 часов. Встретили два притока справа и один слева. Ширина Надыма более 200 м, но очень много мелей, перекатов, островов, кос. Острова и протоки образуют сложный лабиринт, в котором трудно разобраться. Обласки часто едва проходят по мелям. Пески длинные, свыше 2 км. Огромные излучины-меандры.

Описанное место в долине Надыма надо понимать как аналог сора, тоже на ступени-плоскости рельефа. Но большая масса воды пробивает.

От самого Сургута с нами путешествовала собака Шаронова Розка, породы лайка. Она никак не хотела сидеть в лодке. До Надыма это было просто, она бежала по берегу, небольшие речки переплывала. В лабиринте Надыма ей стало трудно. Мы пытались удержать ее в лодке, выскакивает. Сегодня она потерялась, отстала, но на ночевке все же

подошла, догнала. Однако в ближайшие дни она все-таки не смогла следовать за нами.

Мелей так много, что для проводки большой лодки надо знать фарватер, лоцию. К песку для ночлега едва подошли даже на наших обласках — мелко. Признаков человека не видно. Видели медвежонка и выдру. Завтра думаем подойти к Правой Хэтте, но все это сомнительно, карта весьма ориентировочна.

14 сентября. Лежим в палатке. С утра и до вечера дождь и снег при сильном ветре. Снег не тает, лежит. Ветер так силен, что невозможно развести костер. Едим сухари. Давление 744. Циклон.

15 сентября. Замерзло. Лежит ночной снег. Сильный С-З ветер. На воде между обласками лед. Вышли в 9 ч. Страдаем от избытка воды (в сорах ее не хватало): волна бьет через борт, окатывает спину, ноги мокрые. Нередко к вечеру наши ватные костюмы совсем намокают. А где сушить? Сушим так: в мокрых ватных куртках и брюках залезаем в спальный мешок, конечно, каждый в свой, и сушим одежду своим теплом. К утру она высыхает. А чтобы это выдержать, выпиваем спирта. Сапоги же (робни) оставляем в палатке, к утру они смерзнутся, разбиваем поленом и одеваем. Портянки и носки сушим тоже в спальнях мешках своим теплом. И все-таки никто не заболел. Бактерий-то нет. Да и воля.

Сегодня утром река была обычной, пески до 3 км длины. С полудня река изменилась — пески и плеса пропали, река превратилась в систему протоков, островов и отмелей; нам часто приходилось возвращаться, когда мы заходили на мель или в туиковый рукав. Далеко видна широкая вода и песчаные острова. Ширина Надыма не менее 500 м. К коренным берегам русло не подходит. Аналог сора очевиден.

В полдень увидели первые признаки человека — халеев: они живут всегда в местах рыбной ловли. Обрадовались. Халеи — это род чаек, но чем-то хуже их. Пословица говорит: прикидывается чайкой, а сам халей.

Немного ниже на песке увидели четырех оленей, а еще дальше сушила для сетей, две нарты, одна с хореем — шестом для управления оленями. Следы человека десятидневной давности, а олени свежие. Людей нет. Пищи мы не получили.

Ниже справа впаля широкая река. Еще раз Хэтта? Можно только угадывать, если нет карты.

К вечеру видели интересный пример золотой деятельности: часть леса сгорела, и песок на коренном берегу, высотой около 30 м стал развеваться, а лес дальше по реке вниз, т. е. севернее, стало заносить песком, так что сосны занесены более, чем на половину высоты, а иногда торчат только сухие вершины. Это — пример золотой деятельности за пределами пустыни, в губидно-влажном поясе.

16 сентября. Вышли в 8 ч. Прошли немного, т. к. река превратилась в сложную сеть мелких протоков, разделанных песчаными отме-

лями, косами, островами. Мы маялись, часто проталкивались шестами, возвращались. Некоторые острова покрыты спелым хвойным лесом. Части развеваемые гривы.

Зябли, холодно ногам. Остановились в кедровом лесу на острове. Розка была в лодке, выскочила и больше не пришла.

17 сентября. Розка ночью выла. На крик пришла. Характер реки сохраняется тот же, я бы сказал дельтовый.

К вечеру река стала собираться в одно русло, хотя уверенно писать трудно: мы так привыкли к неожиданностям. На карте островной участок показан.

До обеда сегодня шли хорошо, мешали сильные волны. Борта наших обласков очень низкие, несколько сантиметров. Из-за волн на ночлег встали рано, в 16 ч., да и темнеет теперь рано.

Халеи, оказывается, предвещали не рыбные промыслы, а мели, где им хорошо ловить рыбу. Признак радости перешел в противоположный. Хорошо, что мы не упадочники, а то бы давно пропали.

На левом берегу видели остаток чума, на правом — крест: к березовому колу прибита доска; что-то было написано, не сохранилось. Где-то здесь должен быть совхоз и фактория, судя по схеме-карте.

18 сентября. Весь день сильный ветер при высоком давлении — 771 мм. Антициклон. Обласки захлестывает. Пришлось пристать к берегу и встать на ночевку. Прошли немного: и вчера и сегодня примерно по 15 км.

Река изменилась: протоки стали более оформленными и более проходимыми. Долина широкая, коренные берега далеко. Думаем, что надо еще хороших ходовых дней не менее трех. Температура — 40.

19 сентября. Встали в темноте, т. к. тихо и можно идти. Надо восполнить задержку последних дней. Но вскоре поднялся ветер, но уже не северный, с запада и Ю-З. Тепло. Часа через два после выхода Владимира Саввича, просматривая путь вперед, подал бинокль Максиму Моисеевичу, сказав: не видит ли он чего? Избушка? Мираж? Я увидел две. Радость. Едем быстрее. Видим: дрова, сравнительно свежий след человека в сапогах. Находим избушки-юрты две, четыре, но увы, жизни нет, покинутая фактория.

Обедаем. Оставляем записку. В лавке-магазине в хлебном ларе нашли хлебные крошки, перемешанные с пометом мышей и с их трупами. Есть не стали, но крошки на всякий случай выбрали и взяли с собой.

Фактория закрыта в марте, что видно по настенному календарю. Она пошла на кочевание.

Река вошла в одно русло. Поэтому фактория и тут, выше нельзя пройти лодке и катеру.

20 сентября. Прошли суженное русло и вышли в дельту реки. За день прошли около 40 км. Репер Гидрологической экспедиции —

Гл. Управ. Северн. Морск. пути. Навигационные знаки. Нашли лодку, взяли. Видели затопленный неводник.

У нас счет с сентября на один день вперед, в августе-то 31 день. Поэтому снова пишу 20 сентября.

20 сентября, уже без ошибки. Лодку оставили, верткая. Сразу после обеда неожиданно впереди что-то увидели. Что? Вначале принялся за ящики, потом за палатку на песке, наконец поняли, что это парус. Снизу по Надьму поднимались два неводника ненцев. Когда мы встретились, то увидели полный неводник рыбы навалом. И еще до разговора, до здорованья схватили каждый по рыбине и стали грызть со спины — так мы изголодались. И только спустя несколько минут опомнились, поздоровались и стали говорить.

Выяснилось, что эти ненцы летом живут на берегу губы Надымской, ловят рыбу. Там меньше комаров. Осенью поднимаются по Надьму на зимнее жилье. Едут, естественно, не спеша. Пользуются парусом, попутным ветром. Неводник большой, тут вся семья и весь домашний скарб. Где остановились, там и дом. Куда спешить?

Оказалось, что близко песок Иовля. Но мы одни так измучились, столько было неожиданностей — ведь все места абсолютно незнакомые, а карты нет. Нам уж очень не хотелось снова оказаться одним, и мы попросили их довести нас. Они согласились и довели за полтора часа. Теперь мы уверены, что мы спасены и избежали зимовки.

Ненцы исправнее ханты. Наш старик кормчий довольно симпатичный и хозяйственный. У него мы наелись хлеба с малосольным муксуном. Муксуна едят и свежим, как мы свиной шпик.

На песке Иовля летний рыбный промысел: 3 или 4 избушки для рабочих, приемная рыбы, ларек. Остановились у приемщика, он же продавец. Были очень рады крыше избушки. Сидим в избе. Накопец-то.

21 сентября. Брились. Не брились месяц. С бородами у всех другой вид. В 16 ч. поехали в Паули со счетоводом, приезжавшим для выдачи зарплат. Оказывается, мы Надымскую факторию и оленесовхоз проехали: они там, где мы взяли лодку. На Надьме проехать немудрено, если не знаешь место.

Паули — это тоже песок и летний рыбный промысел, только побольше. Приехали в 2 ч. ночи. Поспав в конторке. Тесно, но среди людей.

22 сентября. Ночью и сейчас мороз и ветер.

Ждем рыбницу-судно. На нем надо ехать до Шуги. Смотрел чумы ненцев: невзрачные, грязь, дым, дети плачут, доски для еды, запах, больные женщины, слепой старик.

Рабочие здесь завербованные, получают мало: девушки по 130 руб., а студентом получал повышенную стипендию 140 руб.

23 сентября. Все сидим ждем. Южный ветер угнал воду. Не могут пройти не только катера, но и большие лодки.

24 сентября. Ждем. Раньше северный ветер был врагом, теперь мы его ждем для полноты воды. До Шуги 30 км, а до Надымской губы всего 5 км.

25 сентября. Подул легкий норд. Катер привел две рыбницы. Их нагрузят рыбой. Катер выведет их в губу, а дальше на парусах до Шуги, а оттуда в Обдорск на пароходе".

Первого сентября 1937 года члены экспедиции благополучно достигли Тюмени, завершив трехмесячный нелегкий путь.

На основании собранных полевых материалов была составлена карта масштаба 1 : 5 000, которая позволила нанести р. Тромеган на лист топокарты Р-43 Сургут, издания 1942 года. Фактические данные о почти неизученных ранее районах легли в основу диссертаций В. С. Михайличенко, А. Д. Шаронова и Л. П. Шубаева, а также были опубликованы в ряде научных статей, что подтвердило научную значимость и необходимость данной экспедиции.

Литература

1. Хондажевский Н. К. Зимние исследования нагорного берега Иртыша от Тобольска до Самарова и северных тундр между Обской губой и Сургутом // Записки Западно-Сибирского отделения Императорского Географического общества. 1880.
2. Шубаев Л. П. Общее землевладение. М., 1977.
3. Шубаев Л. П. Тюменский дневник (1937—1950 гг.) // Архив ГО СССР. Разряд 110. Сп. 1. № 665.